

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ АНАЛИЗЕ

Аннотация: *в статье предпринята попытка анализа различных методологических подходов к анализу феномена «повседневность». Автором проанализирован широкий круг источников, раскрывающих различные аспекты концепта «повседневность».*

Феномен повседневности находится в фокусе предметного исследования различных отраслей знания: философии, культурологии, социологии, культурной антропологии, истории и т.д. Каждая из этих наук исследует различные аспекты повседневных практик представителей различных социальных групп и обществ, пытается понять жизненные ценности, идеалы и установки индивидов определяющих циклы того или иного общества. Накопленные знания предшествующих поколений, традиции, нормы и идеалы создают основу повседневной жизни. Неслучайно В.Б. Безгин отмечает, что «индивид в исследованиях повседневности должен быть воспроизведен действующим на жизненной сцене в заданных обстоятельствах (природных, временных, политических), показан определяющим ситуацию, конструирующим – совместно с другими – социальные роли и играющим их» [2; с. 7]. Исследователь должен стремиться понять групповые и индивидуальные реакции на существующие законы и порядки [8]. Междисциплинарный дискурс способствует реализации данного аспекта исследовательской проблемы.

В историко-философском анализе интерес к изучению повседневности, повседневных практик человека его в обыденной социальной среде возникает в середине XIX в. и за короткий интервал времени завоевывает широкую читательскую аудиторию. С этого времени начинается постепенный поворот в социально-гуманитарном знании от изучения истории глобальной – масштабных социально-экономических преобразований, властных трансформаций, революций и войн - к изучению микроистории. В центре внимания, которой находится «маленький» человек с его переживаниями, надеждами, чувствами и мечтаниями. Переворот в исследовательском поле позволил увидеть реальную жизнь рядового человека, проследить влияние общественно-политических преобразований и трансформаций на судьбы рядовых граждан, на восприятие ими различных общественных изменений, выработки жизненных стратегий и ценностей.

На значимость философского осмысления «сферы человеческой обыденности» впервые обратил внимание Э. Гуссерль, обозначив данную область «жизненным миром». «Жизненный мир» состоит из очевидностей задающих форму ориентации и поведения человека и обладает априорными структурными характеристиками-инвариантами (пространство, временность, каузальность, вещность, интересубъективность и т. д.), воспринимаемыми индивидом типичными и повторяющимися. Как отмечает О.Н. Ноговицын, «В какой-то мере жизненный мир отождествлялся Э. Гуссерлем с миром нашего повседневного опыта, наивной субъективности, то есть с миром естественной установки, предшествующей научной объективности, но в то же время жизненный мир оказывается у него и «сферой первоначальных очевидностей», сферой интенциональной конституирующей деятельности трансцендентальной субъективности» [13; с. 9]. Для М. Хайдеггера повседневность предстает как часть экзистенциальной структуры бытия [17]. Повседневность – это форма бытийствования. Человек погружен в повседневные заботы, которые диктуют ему усредненные программы жизнедеятельности. Он теряет свою индивидуальность, погружается в анонимную толпу, усваивает присущие ей нор-

мы поведения, идеалы и ценности [15; с. 26].

Последователь Э. Гуссерля, основоположник феноменологического метода, А. Шюц конкретизировал содержание концепта «повседневность». Ему принадлежит значительный вклад в теоретизирование данного понятия. Для А. Шюца, социальный мир является структурным, имеющим для индивидов собственное значение, который в конструктах обыденного повседневного мышления воздействует на их поведение, определяет цели и действия [20; с. 9]. Мир в котором живет индивид, состоит из ограниченного числа субъектов с определенными свойствами, воспринимаемыми как неоспоримая данность. В повседневной жизни человек находится в биографически детерминированной ситуации в определяемом им физическом и социокультурном окружении. В конструктах обыденного мышления – по мнению А. Шюца – окружающий мир является собственным миром индивида, но он изначально является интерсубъективным миром культуры [20; с. 13].

Мир повседневной жизни является универсумом значений и текстурой смыслов, от интерпретации которых зависит место человека в социуме. Способ жизни воспринимается индивидом «как естественный и хороший» и порождает множество способов обращения с вещами и людьми в типизированной ситуации. В повседневной рутине индивид использует различные конструкции, проявляемые в формах приблизительных предписаний и правил, проверенных предшествующим опытом. Взаимодействие в повседневных практиках индивидов предполагает «наличие серии конструктов здравого смысла... ожидаемого поведения Другого», т.е. мотивы предписываемые Другому, типично сходны с мотивами индивида и других людей в типично сходных обстоятельствах. Повседневное действие соответствует социально одобренному набору правил и предписаний: типичные проблемы, типичные решения, типичные средства достижения цели [20; с. 29]. Эти действия непроблематизированны и понимаются индивидом само собой разумеющимися.

Главной задачей методологии социальных наук А. Шюц видит в изучении всеобщих принципов, в соответствии с которыми человек организует свой опыт и опыт социального мира в своей повседневной жизни. Для А. Шюца, повседневная жизнь является социокультурным миром, в которой, индивид связан с множеством отношений с другими индивидами. Чем больше поведение человека подпадает под структуры социальной системы, тем больше их типичность социально одобрена в законах, фольклоре, обычаях и привычках [20; с. 64]. Повседневный мир, по мнению А. Шюца, интерсубъективный мир, который существовал задолго до рождения конкретного индивида и интерпретировался другими, как организованный мир. Таким образом, он предстает перед индивидом как данность. Интерпретация повседневного жизненного пространства зависит от фактора социализации: комплекса знаний полученных индивидом в прошлом от окружающих и своего жизненного опыта. В пространстве повседневного мира человек не только живет и выполняет ранее определенные роли, но и модифицирует его на основе своих прагматических мотивов. Таким образом, спецификой феноменологического подхода является стремление к изучению знания и структур повседневного «социального жизненного мира».

Феноменологическая социология стремится показать конструируемый характер социальной реальности, в которой человек сам создает обыденный мир реальностей [13; с. 5].

В рамках феноменологической концепции анализ социальной реальности в 60-е годы XX века был проведен американским социологом П. Бергером и его германским коллегой Т. Лукманом [3]. Ими была разработана феноменологическая теория социального конструирования реальности, обладающая эвристическим потенциалом познания социальной реальности и в настоящее время. Для них повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира [3; с. 39]. Этот мир не только предстает реальностью, но и создается в мыслях и действиях индивида. Из множества реальностей, в которые погружен индивид, лишь реальность повседневной жизни является высшей реальностью. Повседневная жизнь имеет пространственную и временную структуру. Каждый индивид на основе своих психологических факторов ощущает свое течение времени. Но также есть время стандартное или социальное, т.к. повседневный мир интерсубъективен. Для П. Бергера и Т. Лукмана, стандартное время понимается «как пересечение космического времени и существующего в обществе календаря, основанно-

го на временных циклах природы и внутреннего времени» [3; с. 49]. Существенным элементом реальности повседневной жизни является социальная структура. Она представляет собой сумму типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия. Социальный запас знания, которым обладает индивид, представляет повседневный мир интегрированным, зоны которого понятным и знакомы ему.

По мнению основоположников социального конструирования, всякая человеческая деятельность подвергается хабиитуализации, а любое повторяющееся действие становится образцом поведения. Различные жизненные ситуации, с которыми индивид может столкнуться в будущем, находит решение в хабиитуализированных практиках прошлого, воспринимаемых стандартными и верными. Таким образом, каждодневным практикам придается институциональный вид. Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий [3; с. 92].

Реальность повседневной жизни поддерживается через погружения индивида в рутинные действия и взаимодействия. Другие, с которыми индивид встречается в повседневной жизни, служат подтверждением его субъективной реальности. В общении и рождается реальность социального мира.

Продолжая рассматривать повседневность в рамках феноменологического подхода, немецкий философ Ю. Хаберманс, попытался отделить повседневность от социального жизненного мира. Повседневность не сводится к незамеченным очевидностям жизненного порядка. Он полагает, что наивность повседневной практики, возможно, преодолеть через рефлексивную форму коммуникации.

В русло исторической науки исследование повседневности введено представителями французской исторической школы «Анналов» [4]. Для них было характерно стремление обратить особое внимание на «образ человека» в истории и психологическую характеристику социальных и культурных институтов в жизни той или иной страны. В их трудах предметом исследования становились «ритмы смены смерти и жизни», «история питания», «история тела», «история костюма», «история детства», т.е. все то, что можем отнести к концепции повседневности [19]. Для Ф. Броделя повседневность – это мелкие факты едва уловимые во времени и пространстве, материальная жизнь, в которую погружен индивид. Она присутствует во всем, повторяется, проникает во все сущее и протекает под знаком рутины [5]. Любой факт, периодически повторяющийся в жизни человека, становится структурой повседневности. Для того чтобы понять повседневный мир человека, Ф. Бродель анализирует демографию, одежду, пищу, ментальность, условия жизни, т.е. то, что окружает человека постоянно, за рамки которых он не может выйти.

Немаловажные изыскания в теоретизации представлений феномена «повседневность» были осуществлены культурологами XX века. Задолго до обращения представителей школы «Анналов» к исследованию различных исторических аспектов человеческой деятельности, характеризующих сферу повседневности, исландский исследователь культуры Й. Хейзинга предпринял попытку анализа культурного содержания таких форм повседневности, как рождение, смерть, семья, формы религиозности и мышления, определяющие ментальность социального слоя или всего социума [18]. Для него, всякие действия, поступки людей следуют разработанному и выразительному ритуалу - жизненному стилю [18; с. 21]. Й. Хейзинга смог акцентировать внимание на механизмах трансформации повседневности. Он полагает, отрицания различных условностей предшествующей эпохи обществом сопровождается сохранением прежних норм жизни и ценностей, определяющих жизненное пространство социума. Отечественным культурологом М. Бахтиным была проанализирована роль праздничной культуры в повседневности. Праздник – это особая форма коллективной деятельности, выводящая личность из рамок рутинных, повседневных практик. В праздничных карнавальных действиях реальности повседневной жизни проявляются как идеальные формы. Важнейшие этапы жизни: рождение и смерть, брак всегда являлись ведущими факторами в праздничном действии. Праздник утверждает стабильность, неизменность и вечность всего существующего миропорядка [1]. В отечественной культурологической мысли, значительный вклад в теоретизирование феномена повседневность принадлежит Ю.М. Лотману [11]. В ряде своих исследований он приходит к выводу, что мир высших идей неотделим от мира людей, которые

мыслят себя в каждодневной реальности. Бытовая сторона человеческой жизни, включает в себе скрытый смысл, культурный код, позволяющий определить социальную позицию индивида. Для Ю.М. Лотмона, повседневность формируется из ценностей и норм господствующей культуры. Для него повседневность, как и культура в целом, семиотическое явление, смысл которой можно постичь лишь через изучение бытовой культуры.

По мнению А.Я. Гуреквича, менталитет является главной составляющей структуры культуры повседневности. Для него это жизненные установки и модели поведения, эмоции и настроения «опирающиеся на глубинные зоны, присущие данному обществу и культурной традиции» [7; с. 45].

Возможность исследования повседневности в рамках этнометодологии была заложена американским ученым Г. Гарфинкелем [6]. Разговорный язык, по его мнению, является основой для типизации повседневных практик. В повседневной жизни человек применяет методы, которые конструируют повседневную реальность. Язык служит связующим звеном построения повседневного мира. На основе языка происходит усвоение знаний, определяющих социальное действие и взаимодействие.

Повседневная жизнь привлекала внимание историков и в дореволюционной России. Классическими образцами изучения повседневной жизни могут служить работы Н.И. Костомарова, Е.И. Забелина, А.В. Терещенко и др. [10].

Н.И. Костомаров акцентирует внимание на традиционных нравственных ценностях русского народа: подчиненное положение женщины, поведение в семье и быту, семейные отношения, особенности ведения хозяйства и т.д. Автор уделяет внимание описанию материально-бытовой стороны жизни, но не уделяет должного внимания мотивам бытового поведения.

Всплеск интереса к истории и феномену повседневности в отечественной науке наблюдается в последнее двадцатилетие. Так, И.Т. Касавина и С.П. Щавелина предприняли попытку исследовать повседневность с позиции междисциплинарного синтеза. Они выявили в данном феномене деятельностно-событийный, предметно-вещественный, телесно-поведенческий аспекты [9]. И.В. Утехин отмечает, что повседневность не способна дать решающей информации для понимания динамики исторического процесса, а является лишь одним из ракурсов рассмотрения общественной системы [16; с.16]. Повседневность через взаимодействие мира вещей и сознания рассматривается в работе Б.В. Маркова «Культура повседневности». Для него, жилище, одежда, система родства оказываются важными элементами повседневного пространства, «в котором происходит формирование человека» [12; с. 31]. Сама же повседневность обуславливается не только мыслями и переживаниями людей, но и регулируется нормами и институтами. В противоположность феноменологической традиции, для Б.В. Маркова, повседневность есть «сеть особым образом устроенных дисциплинарных пространств», включающих телесное и духовное, экономическое и этическое в устройстве быденной жизни [12; с. 28]. Н.Пушкарева под повседневностью понимает событийную сторону публичной жизни, мелкие частные случаи и способы приспособления людей к обстоятельствам внешнего мира [14].

Таким образом, в современном социально-гуманитарном знании проблема повседневности трактуется неоднозначно. Различные научные дисциплины и специальные методологические подходы акцентируют внимание на различных аспектах повседневности. В целом, можем сделать вывод о том, что концепт повседневности имеет эвристический потенциал как для социально-гуманитарного знания в целом, так и исторической науки в частности. Обращение к феномену повседневности позволяет обратиться к опыту рядового, заурядного человека. На основе его житейских коллизий проследить влияние социально-экономических преобразования на общественную жизнь.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья. – М.: Художественная литература, 1965. – 544.
2. Безгин В.Б. История сельской повседневности. – Тамбов, ТГТУ, 2008. – С. 7.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: «Медиум», 1995. С. 49.
4. Блок М. Феодалное общество. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 503 с.: Он же. Характерные черты французской аграрной истории. М.: изд-во иностранной литературы.

1957.

5. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV – XXVIII вв. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М.: Весь мир, 2007. 591 с.
6. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. – СПб: Питер, 2007.
7. Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история. Дискуссии, новые подходы. – М., 1989. – Вып. 1. С. 45.
8. Дмитриевская М.С. Повседневность в контексте изучения исторической науки. // Материалы международной заочной конференции «Актуальные проблемы науки и образования». Серия «Гуманитарные науки». Выпуск 2. – Ставрополь: СевКавГТУ, 2010. 114 с.
9. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. – М.: КАНОН+, 2004.
10. Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI – XVII столетиях. – М.: Республика, 1992; Забелин И.Е. О жизни, быте и нравах русского народа. – М., 1996; Забелин И.Е. История русской жизни. – М., 1876.
11. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры // Избранные статьи в 3 тт. Т. 1. – Таллин: Александра, 1992.
12. Марков Б.В. Культура повседневности. – М.: Питер, 2008. – С.31.
13. Ноговицын О.Н. Феноменология повседневности: Теория социального конструирования реальности: Текст лекции. – СПб.: ГУАП, 2006. С. 5.
14. Пушкарева Н. «История повседневности» как направление исторических исследований // Перспективы. [Электронный ресурс] <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280>
15. Розенберг Н.В. Аналитика культуры повседневности Поволжья: философский аспект. Дисс. доктора философ. наук. – Тамбов, 2010. – С.26.
16. Утехин И.В. О смысле включенного наблюдения повседневности. История повседневности: Сб. научных работ. – СПб., 2003. Вып. 3. – С. 16.
17. Хайдеггер М. Бытие и время. Работы и размышления разных лет. – М.: Гнозис, 1993.
18. Хейзинга Й. Осень Средневековья. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – С. 21.
19. Школа Анналов // История в историях. URL: http://wordweb.ru/filo_hist/40.htm (Дата обращения 11.07.2013 г.)
20. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004.